

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, доцента **Бабашкина Владимира Валентиновича** на диссертацию **Вадима Витальевича Кулачкова** «**Российское крестьянство в 1920-е гг.: социальные, политико-правовые и культурные аспекты развития (на материалах западных губерний Европейской России)**», представленную на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Актуальность темы диссертации В.В. Кулачкова, представленной к защите, не вызывает сомнения. Более того, данная проблематика просто обязана сегодня быть в фокусе исторического исследования. Это объясняется тем обстоятельством, что проблематика нэповского десятилетия в истории нашей страны есть один из важнейших узлов современного идеологического, идейно-политического противостояния – как внутри нашей страны, так и в международном идейно-культурном пространстве. В советской историографии господствовало представление о том, что нэп представлял собою что-то вроде временного объективно обусловленного отклонения от «генеральной линии партии» по искоренению рыночно-капиталистических отношений, а коллективизация всё вернула «на круги своя»: колхоз – это социализм, а частник – пережиток капитализма.

В 1990-е гг. имела место попытка развернуться в этом плане на 180 градусов, объявив коллективизацию чем-то вроде «волюнтаристского» слома «естественных тенденций» в развитии той отрасли советской экономики, в которой не просто было занято огромное большинство населения СССР, но которая давала основной доход в государственный бюджет страны. В русскоязычной исторической литературе стала развиваться та идея, что сохранение этих вот «естественных тенденций» эволюции аграрной экономики могло бы составить основу для более гармоничного и менее противоречивого развития советской экономики в целом, нежели это происходило в реальной истории. Часто это делалось со ссылками на западные советологические исследования. В диссертации В.В. Кулачкова собран

обширный и разнообразный материал, показывающий безальтернативность перехода от нэпа к коллективизации. Именно здесь: в социальных, политико-правовых и культурных аспектах жизни советской деревни в 1920-е гг., по мнению автора, необходимо искать и находить подтверждение того, что переход на рубеже 20 – 30-х гг. от нэповской крестьянской общины к колхозно-совхозной организации аграрной экономики с соответствующими изменениями в сельской повседневности был объективно обусловлен и неизбежен. За подтверждением такого своего теоретического воззрения В.В. Кулачков обращается к авторитету столь известных специалистов по аграрно-крестьянской проблематике нэповских лет, как В.В. Кабанов, С.А. Есиков, К.Б. Литвак, Д.Х. Ибрагимова и др. (с. 28 диссертации).

На заседаниях теоретического семинара «Современное крестьяноведение и аграрное развитие России в XX веке», на материалы которого соискатель ссылается неоднократно и вполне удачно, было как минимум два повода для острой дискуссии по этому принципиальному вопросу: обсуждение монографии американских историков Г. Хантера и Я. Ширмера и столкновение мнений по поводу исследования немецким историком-экономистом Ш. Мерлем социально-экономической проблематики нэповского периода. Острие вопроса: жёсткий переход от новой экономической политики к коллективизации – это закономерность социально-культурного и экономического развития советской деревни или отклонение от таковой? Нам представляется, что материалы диссертационного исследования В.В. Кулачкова в большей степени свидетельствуют в пользу первого.

И в этой связи первое и едва ли не главное замечание, которое возникает при анализе текста диссертации. Это методология, или основная концепция исследования. Обширный материал, имеющий отношение к социальным, политико-правовым и культурным аспектам сельского бытия, собранный и осмысленный диссертантом, – что он доказывает? Какова базовая концепция, в которую наиболее удачно и логично вписываются те сведения и факты из области социальной, культурной, политической, обычно-правовой и

формально-правовой жизни деревни изучаемого региона в исследуемый период исторического времени, которые вполне добросовестно извлечены соискателем из разнообразных литературных, архивных и других источников?

Сформулировав этот принципиальный вопрос, перейдём к анализу сильных сторон диссертационной работы. Историографическое исследование проблемы представляется вполне удовлетворительным. В орбиту интереса В.В. Кулачкова попали, кажется, основные работы историков-аграрников прежних лет и современности и те теоретические концепции, которые используются в этих исследованиях для обобщений и выводов по проблематике крестьянской повседневности в нэповские годы.

В первой главе *«Источники, историография и методология исследования»* раскрываются основные этапы и тенденции развития историографии изучаемой темы, характеризуется источниковая база исследований нэповской деревни, представлены основные точки зрения на суть и характер тех событий, что составляли сельскую повседневность нэповской поры. Здесь же делается логичная попытка обосновать и теоретико-методологическую основу данного исследования, которое включает описание и трактовку не только фактов, описанных другими историками, но и архивные и другие опубликованные источники. Автор считает это своим вкладом в реконструкцию общей картины крестьянской жизни на переломе исторических эпох. Он полагает данную фактуру и статистику достаточными для решения поставленных перед собою исследовательских задач (с. 7-8).

Объект и предмет своего исследования автор определяет вполне логично. В центре его внимания находится крестьянство западных губерний Европейской России в период новой экономической политики. Хронологические рамки исследуемого периода ограничены периодом 1920-х годов (1921-1929 гг.), что также не оспаривается, поскольку именно в этот исторический период происходили достаточно заметные (чтобы не сказать, революционные) изменения в повседневности сельских жителей, крестьян-общинников изучаемых губерний. Территориальные рамки исследования

включают территорию западных губерний Европейской России, под которыми понимаются Брянская (1920-1929 гг.), Смоленская (1708-1929 гг.), Гомельская (1919-1926 гг.) и Калужская (1796-1929 гг.) губернии в границах 1920-х годов. Автор исходит из гипотезы общности исторической судьбы деревни данных регионов в исследуемый период, рассматривая собранный по западным губерниям фактический материал именно на предмет этого подобия. При этом от внимания исследователя не ускользают и элементы различия, в частности, связанные с проживанием в регионе разного рода этнических диаспор.

Можно утверждать, что диссертационное исследование характеризуется достаточной степенью научной новизны. Его автор действительно вводит в научный оборот большое количество новых источников из фондов центральных и региональных архивов, в том числе неопубликованных крестьянских писем, которые позволяют раскрыть особенности и специфику изучаемой проблематики. Кроме того, для раскрытия авторского замысла привлечены материалы средств массовой информации 1920-х гг., произведения художественной литературы. Безусловно сильной стороной рецензируемой работы является использование кинофото документов, которые делают описанные в диссертации стороны крестьянской жизни более близкими и понятными.

Диссертант утверждает, что в крестьянской жизни той поры всё же продолжали доминировать традиционные нормы взаимоотношений, правовые обычаи, или обычное право. Он объясняет это консерватизмом крестьянства, недоверчивым отношением к внедряемым новациям, а также дефицитом материально-финансовых ресурсов – как находившихся в распоряжении огромного большинства крестьянских хозяйств региона, так и тех, что могло выделять в то время государство на цели развития аграрно-крестьянской экономики.

Среди исследовательских целей также можно выделить стремление автора выявить такой важный фактор социального развития деревни, как

стимулирование государством появления на селе разнообразных каналов коммуникации и новых культурно-просветительских учреждений. В этой связи диссертант даже пишет о *трансформации* сельского образа жизни, которой также способствовала и активная идеологическая работа органов Советской власти в регионе, распространявшаяся в том числе и на проживавшие в регионе компактные этнические группы (национальные меньшинства). Автор ставит перед собой и такую задачу, как изучение динамики социально-психологических настроений крестьянства. Задача чрезвычайно непростая; и автор действует в этом направлении, с нашей точки зрения, не без недочётов, хотя в целом вполне удачно. Можно было бы более прочно опираться на материалы исследования Н.Е. Шаповаловой в данном направлении, которые в принципе используются в тексте диссертации, однако, кажется, недостаточно активно и последовательно.

В главах и параграфах диссертации обосновывается состоятельность семи положений, выносимых на защиту, из которых прокомментируем два.

Согласно *положению 5*, «подавляющее большинство крестьян продолжало придерживаться норм обычного права, что подтверждают отличное от закона отношение крестьян к лесопорубкам, сохранение “подпольных адвокатов” и т.д. Самосуд, который часто организовывался общиной и санкционировался местными властями, оставался неприятным и жестоким явлением. Конокрадство, воровство, алкоголизм и хулиганство также никуда не исчезли из обыденной крестьянской жизни. Однако деятельность новой советской власти в правовой сфере, несмотря на все недостатки, была полезной и значимой. В частности, при сельских советах были организованы примирительные камеры, которые занимались незначительными делами и приближали судебную деятельность к населению» (с. 27). Коллизия между обычно-правовыми нормами и теми юридическими узаконениями, которые органы государственной власти пытаются реализовать в деревне, представляет собой важнейшую закономерность исторической эволюции *любого* аграрного общества. Советский Союз нэповской поры в

этом плане – не просто не исключение, но одно из наиболее ярких тому подтверждений. И автор резонно ссылается в этом плане на содержание глубокого исследования М. Левина «Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи», опубликованного в издании «Крестьяноведение» в 1997 г., затрагивая и такой принципиальный момент, как «архаизация» российской деревни к началу 1920-х гг. Этим объясняется не только причудливое сочетание в нэповские годы норм обычного и формального права, но и тот вектор, который был задан тем самым эволюции советского законодательства в последующие годы: обязательный учёт тех умонастроений и стереотипов социально-политического поведения, которые складывались в российской деревне десятилетиями и столетиями.

Положение 7 сводится к тому, что «модернизационные процессы в деревне изучаемых губерний 1920-х гг. характеризуются усилением роли социальных коммуникационных воздействий, связанных с деятельностью изб-читален, Домов крестьянина, распространением радиовещания и кинематографа. В частности, Дома крестьянина сыграли положительную роль в смысле культурно-просветительной работы, помощи крестьянам в сельскохозяйственном, медицинском и юридическом аспектах. В свою очередь, избы-читальни функционировали в сфере распространения книг, громком чтении газет и журналов, организации бесед и докладов, проведении политических кампаний, справочной работе, антирелигиозной агитации и пропаганде правовых знаний. Работа по внедрению технических новшеств в деревню проводилась достаточно активно, однако, как обычно, достижению более впечатляющих результатов препятствовали материально-финансовые и технические проблемы. При этом различные коммуникационные каналы способствовали трансформации сельского образа жизни» (с.28-29).

Здесь комментарий простой. В тексте диссертации действительно приводится множество подтверждений тому, что так оно и было в сельской местности изучаемого региона. Советская власть придавала огромное значение последовательному и энергичному проведению политики

ликвидации безграмотности, что играло не только в 20-е, но и в 30-е годы и далее столь принципиальную роль в стремительной эволюции советского общества в целом, что эту сторону данной эволюции без всякой натяжки можно обозначить словосочетанием «культурная революция». И автор собрал обширный материал в своём стремлении как можно более убедительно показать именно эту сторону жизни советской деревни в исследуемый период. Очень выразительна фотография «Ликвидируют политнеграмотность» из деревни Сосновка Клинцовского уезда: неподдельная заинтересованность на лицах как крестьян-участников мероприятия, так и самих «ликвидаторов» (с. 364). Остаётся только пожалеть, что автор не включил в Приложения (с. 362-391) отличное групповое фото участников 2-й Клинцовской уездной конференции ликвидаторов безграмотности 24-30 сентября 1924 г., которое им опубликовано на с. 314 монографии: Кулачков В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск, 2014.

В третьей главе диссертации *«Политико-правовые аспекты эволюции нэповской деревни»* рассматриваются общественно-политические настроения крестьян, изучается отношение крестьян к представителям органов Советской власти, даётся представление о роли права и закона в жизни крестьян. Изложение материала происходит с привлечением материалов крестьянских писем и средств массовой информации. Диссертант пришёл к обоснованному выводу о том, что «в социально-правовой сфере судебные и правоохранительные структуры вели активную деятельность в направлении правовой пропаганды, что способствовало повышению уровня правовой культуры жителей деревни. Свою лепту вносили организация справочных юридических столов, кружков, консультаций, бюро, работа в избах-читальнях, издание юридической литературы. Однако особенности сельского образа жизни и традиционной психологии крестьян негативно влияли на эффективность проводимых мероприятий в сфере правовой пропаганды» (с. 252). В этой цитате из авторского вывода по главе вызывает вопрос слово

«негативно». Тут нужно повнимательнее посмотреть, насколько «позитивными» были «проводимые мероприятия в сфере правовой пропаганды». Возможно, эффективность их снижалась именно потому, что они недостаточно учитывали правовые обычаи жителей деревни, их представления о добре и зле, справедливости и несправедливости?

В четвертой главе «*Культурные аспекты развития крестьянства*» рассматривается влияние советской идеологии на жителей деревни, образовательная политика и социальные коммуникации в деревне. Автор диссертационной работы сделал обоснованный вывод о том, что «модернизационные процессы в деревне изучаемых губерний 1920-х гг. характеризуются усилением роли социальных коммуникационных воздействий, связанных с деятельностью изб-читален, Домов крестьянина, распространением радиовещания и кинематографа» (с. 338).

В Заключении подведены итоги проведённого исследования и обобщены его результаты. Диссертант резюмировал, что «в изучаемый период советская власть посредством имеющихся ресурсов пыталась проводить модернизационную политику по различным направлениям, однако традиционализм крестьянского быта сохранялся, несмотря на изменения в первое постреволюционное десятилетие. Деревня в 1920-е гг. развивалась, но успехи часто были преувеличены официальной пропагандой» (с. 348).

Логическая последовательность и структурированность материала в диссертационной работе В.В. Кулачкова может быть оценена положительно. Однако приведём некоторые замечания и соображения, которые, возможно, помогут соискателю сосредоточиться на важных аспектах изучаемой проблематики в дальнейшей его исследовательской деятельности.

1. Вернёмся к тому замечанию, о котором шла речь выше: какова основная концепция исследования. Если речь идёт о *закономерном* переходе верхушки государственного руководства СССР от новой экономической политики (нэп) к политике коллективизации, о чём автор пишет, ссылаясь на В.В. Кабанова, С.А. Есикова и др., то можно было бы порекомендовать

соискателю более последовательно придерживаться основных положений, основных логических (и даже идеологических) узлов концепции *моральной экономики крестьянства*, согласно которой в обществах аграрно-крестьянской цивилизации успешной может быть только такая основная линия государственной политики, которая находит отклик и понимание в умах и душах общинно-крестьянского населения. Население это на важнейших этапах исторической эволюции таких обществ составляет настолько убедительное большинство общего их населения, что впору вести речь не столько об *урбанизации деревни*, сколько о *рурализации города* (см. об этом: Бабашкин В.В., Буховец О.Г. «Моральная экономика» как концепт и П.П. Марченя как её исследователь // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (61). С. 11-28). Согласно данной концептуальной системе и соответствующей исследовательской методологии (так называемая «*двойная рефлексивность*»), и на этапе нэпа, и на последующем этапе (коллективизация) официальная пропаганда могла сколько угодно преувеличивать успехи в развитии деревни, но урбанизированные крестьяне в городах и общинные (или коллективизированные) крестьяне в деревнях имели достаточно средств в своём арсенале «*оружия слабых*», чтобы радикально корректировать те узаконения, идущие от самой верхушки советской политической системы, которые противоречили крестьянскому здравому смыслу.

2. Самым непосредственным образом с этим связано второе замечание: В.В. Кулачков напрасно дистанцировался от рассмотрения вопросов землевладения и землепользования в 20-е гг. Социально-политические, культурные, психологические, поколенческие и другие аспекты деревенского бытия в этот период аналитически можно, конечно, рассматривать в отрыве от того, что считается крестьянской общинной аграрной экономикой. Но при этом должен в полной мере работать и такой методологический принцип, как синтез: в данном случае, постоянный учёт социально-экономических и даже политико-экономических аспектов сельской жизни (см. об этом: Безгин В.Б.

Споры крестьян о земле, меже и не только // Крестьяноведение. 2025. Т. 10. № 1. С. 231-236. Это рецензия на отличную монографию: Гатилов Э.В. Липецкий уезд Тамбовской губернии в 1917-1927 гг.: землеустройство и поземельная конфликтность. Воронеж, 2024). На отношении крестьян к той политике, которая осуществлялась Советской властью в нэповские годы по регулированию сельской экономики, необходимо сосредоточить самое серьёзное внимание. Как воспринималось крестьянами повышенное налогообложение наиболее зажиточной части деревни («кулака») и льготы по уплате единого сельхозналога в отношении наименее успешной в хозяйственном отношении части деревни (вплоть до полного освобождения от этого налога беднейших на данный момент хозяйств)? Этот вопрос относится и к экономике, и к политике, и к культуре. Более того, он имеет непосредственное отношение к тому, насколько деревня оказалась готова социально-психологически к переходу от индивидуального ведения хозяйства (как правило, в рамках общины) к колхозам.

3. Важной частью диссертации В.В. Кулачкова является рассмотрение вопроса об эволюции взаимоотношений общинных органов самоуправления и сельсоветов на разных этапах нэповского десятилетия. Исследование этой проблемы проведено автором вполне убедительно и даже с учётом этнических аспектов, связанных с проживанием в регионе национальных меньшинств. Однако текст диссертации очень выиграл бы, если бы в данном важнейшем историческом вопросе были проведены и какие-то межрегиональные параллели. В этом плане можно было бы порекомендовать автору ввести в историографию и библиографию будущих публикаций по теме диссертации и такое интересное исследование этой проблематики на региональном материале: Иванов А.А. Община и сельский совет в доколхозной деревне Марийской автономной области (По материалам Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР). Йошкар-Ола, 2008.

Замечания носят характер пожеланий: по нашему убеждению, В.В. Кулачкову стоит учесть их в дальнейшей научно-творческой работе. Хотя

очевидно, что некоторые из высказанных соображений носят дискуссионный характер и не снижают в целом положительного впечатления от диссертации. Изложенные сведения в диссертационной работе автора обладают научной новизной, они представляются достаточно интересными для исследователей истории российского крестьянства.

Диссертация является самостоятельно выполненным законченным исследованием. Личный вклад соискателя состоит в самостоятельном осуществлении всего объема работ на всех этапах диссертационного исследования. Выводы исследования, в общем и целом, сделаны с применением исследовательских методов, соответствующих заявленным цели и задачам диссертации. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается репрезентативностью источниковой базы исследования, сопоставлением и критическим анализом информации, содержащейся в различных видах исторических источников.

Апробация работы была осуществлена автором в выступлениях на международных и всероссийских научно-практических конференциях. Отдельные положения диссертации были апробированы при ведении практических занятий по дисциплинам «История», «История России» в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Брянский государственный инженерно-технологический университет». По теме диссертации было опубликовано 59 работ общим объемом 71,45 п.л., в том числе 4 монографии, 39 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Полнота изложения материалов диссертации в работах, опубликованных соискателем, подтверждается тем, что они в достаточной мере отражают структуру и содержание исследования, включая положения, выносимые на защиту, вносят значительный вклад в историческую науку в вопросах изучения истории российского крестьянства XX в. в условиях масштабных социальных преобразований.

Диссертационная работа Кулачкова Вадима Витальевича «Российское крестьянство в 1920-е гг.: социальные, политико-правовые и культурные аспекты развития (на материалах западных губерний Европейской России)» является законченным научным исследованием по актуальной проблеме. В диссертационном исследовании решена научная проблема, имеющая важное социокультурное значение – осуществлён комплексный анализ соотношения традиций и новаций в жизни крестьян западных губерний Европейской России в 1920-е гг.

Представленное диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история, а именно п. 6 «История повседневной жизни различных слоёв населения страны на соответствующем этапе её развития», п. 7 «История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности», п. 11 «Социальная политика государства и её реализация в соответствующий период развития страны», п. 18 «Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества».

Диссертационное исследование соответствует критериям, установленным пп. 9-12 и 14 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённому постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. 26.01.2023 № 101), и его автор Вадим Витальевич Кулачков заслуживает присуждения ему учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Доктор исторических наук, доцент,
профессор Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации

Бабашкин В.В.

